

А. В. Верещагин

Дома и на войне

1853-1881. Воспоминания и рассказы

УДК 82-3
ББК 84
А11

А11 **А. В. Верещагин**
Дома и на войне: 1853-1881. Воспоминания и рассказы / А. В. Верещагин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 578 с.

ISBN 978-5-518-06210-8

ISBN 978-5-518-06210-8

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

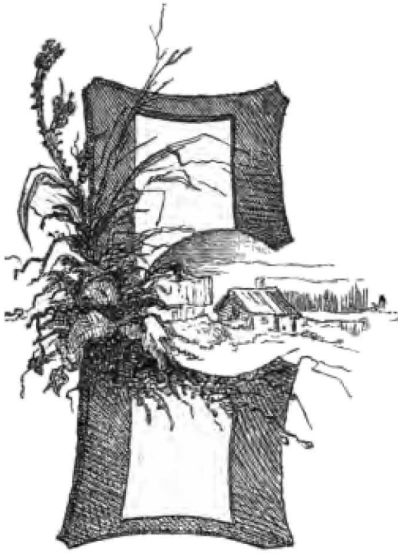
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Д О М А.

ГЛАВА I.

Дѣтство. Наша дворня.

ь Череповскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, въ полуверстѣ отъ рѣки Шексны, стоитъ небольшая деревня „Пѣртовка“. Узенькая рѣчушка, что течетъ изъ сосѣдняго лѣса, отдѣляетъ ее отъ господской усадьбы, расположенной по близости, на пригорѣѣ. Еще недавно, вѣковой темный сосновый боръ точно громаднымъ кольцомъ охватывалъ Пѣртовку со всѣхъ сторонъ. Мелкій вустарникъ, прилегавшій къ обрестнымъ полямъ, постепенно становился крупнѣе и крупнѣе; углубясь саженой двѣсти въ лѣсъ, уже начинался стройный высокій сосновый боръ. Курчавыя вершинки сосенъ, точно зеленыя шапочки, тихонько покачивались, по временамъ наклоняясь другъ къ другу, и какъ будто перешептывались.

Посреди усадьбы раскинулся просторный дворъ. Деревянный господскій домъ съраго цвѣта съ мезониномъ стоитъ въ концѣ двора; позади его садикъ съ огородомъ; по другой сторонѣ двора тянется длинная двухъ-этажная постройка—это людская; внизу ея двѣ кухни: лѣвая—людская, правая—поварская; вверху помѣщеніе для дворни. Дальше идутъ прочія службы: сушило съ погребями, баня, конюшня. Постройки всѣ деревянные, выстроенныя изъ хорошаго лѣса.

Имѣніе это, вмѣстѣ съ деревней и окрестными лѣсами, принадлежало отцу моему, коллежскому ассесору Василию Васильевичу Верещагину.

Отступлю немного и скажу нѣсколько словъ о моихъ дѣдушкѣ и бабушкѣ.

Василій Матвѣевичъ Верещагинъ былъ небогатый помещикъ; все имѣніе его заключалось въ маленькой усадьбѣ близъ Вологды, гдѣ онъ когда-то служилъ солянымъ приставомъ.

Не знаю въ точности, когда именно, но должно быть въ концѣ тысяча семисотыхъ годовъ, Василій Матвѣичъ женился на дѣвицѣ Натальѣ Алексѣевнѣ Башмаковой и тогда-же перѣхалъ изъ Вологды въ ея родовое имѣніе, село Любецъ, расположенное на самомъ берегу Шексны, въ пяти верстахъ отъ сельца Пѣртовки.

Хотя Наталья Алексѣевна и строгая была хозяйка, но все не такъ, какъ братъ ея, Петръ Алексѣевичъ, по смерти котораго ей и достался Любецъ. Одна древняя старушка, Анна, жившая у насъ въ домѣ, которая еще Башмаковымъ въ качествѣ сѣнной дѣвушки служила, такъ рассказывала мнѣ про Петра Алексѣевича:

— Онъ былъ отличный хозяинъ, и отказу врестьянамъ въ лѣсѣ или хлѣбѣ у него никогда не было; но Боже избави, если онъ замѣчалъ, что мужичокъ лѣнится или пьянствуетъ,—дѣдушка приходилъ въ сильный гнѣвъ и тогда бѣда! Хорошій былъ онъ человекъ, только до женскаго полу охочъ; ну и не стерпѣли мужички, сговорились и убили его. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ найденъ убитымъ, бабушка-то твоя памятникъ каменный поставила, рассказывала старая.—И не бывать-бы этому грѣху, батюшко, продолжала Анна,—кабы разбойники не спрятали Вальтонку, дѣдушкину собаку. Большущая такая была. Намъ все еще за нее отъ бабушки-то попадало, пачкала гораздо въ комнатахъ. Такъ въ тотъ день они, разбойники, запрятали ее подъ пивной котель, что на бѣломъ дворѣ опрокинутый стоялъ. Дѣдушка-то вышелъ вечеромъ погулять, свиснулъ. Собаки—нѣтъ; ну онъ одинъ и пошелъ. Тутъ за селомъ, возлѣ овиновъ, они на него, окаянные, и на-

пали, четверо. Пастухъ Тимошка, да еще трое. Дѣдушка-то' говорятъ, — добавила старушка попотомъ, — къ ихъ бабамъ частенько по вечерамъ хаживалъ. Какъ напали на него злодѣи, тутъ, связываютъ, онъ бросился бѣжать, да споткнулся, вотъ гдѣ памятникъ, и упалъ; тутъ они ему головушку шеворнемъ и проломили. А Вальтонка-то, кормилецъ ты мой, вѣдь ровно слышалъ: выкарабкался, нашелъ своего барина, и всѣ руки вылизалъ, жалость смотрѣть было.

— Ну что-же, судъ наѣхалъ? спрашиваю я:

— Судъ, батюшка мой, судъ наѣхалъ изъ городу. Цѣлый мѣсяцъ у бабушки выжилъ; почитай все село въ колодки забилъ. Малыхъ дѣтей, и тѣхъ пытали спрашивать, да что малый знаетъ? Какъ, говорятъ, твоего отца зовутъ?—Тяткой. А мать?—Мамвой. Ну такъ и отступились. Трехъ-ли, четверыхъ въ ваторгу сослали. А какой дѣдушка-то Петръ Алексѣичъ молодецъ былъ изъ себя: росту высокаго, волосомъ черный, настоящій бояринъ.

Мало подробностей о дѣдушкѣ Василю Матвѣичѣ извѣстно мнѣ. Умеръ онъ въ 1806 году; сколько я слышалъ, былъ онъ человѣкъ добрый, заслужившій уваженіе и любовь своихъ сосѣдей.

Бабушка Наталья Алексѣевна имѣла большое состояніе и происходила изъ стариннаго боярскаго рода Башмаковыхъ. Въ жалованныхъ грамотахъ, сохранившихся и понынѣ, сказано, что предки ея „крѣпко и мужественно стояли за вѣру Христову и церковь православную“, и служили еще царямъ Алексѣю Михайловичу и Федору Алексѣевичу.

Нѣкоторыя изъ поименованныхъ въ этихъ грамотахъ деревень въ настоящее время не существуютъ: напримѣръ, деревня Байтузово. Сколько ни спрашивалъ я стариковъ, никто и не слыхалъ подобнаго названія.

Верстъ на двадцать тянулись по берегамъ Шексны великолѣпные лѣса и заливные луга моей бабушки; много сотенъ крестьянъ и много всякаго добра у нея было.

Бабушка пользовалась большимъ вліяніемъ не только въ уѣздѣ, но даже и въ губерніи.

Съ крестьянами своими она была строга, какъ и братъ

ея: непослушнаго мужика сдавала безъ разговоровъ въ солдаты, а оплошавшей дѣвицѣ отрѣзывала косу и ссылала на птичій дворъ.

Послѣ смерти Василя Матвѣевича, осталось на ея попеченіи пятеро дѣтей: два сына, Алексѣй и Василій, и три дочери: Анна, Софья и Настасья. Когда они подросли, Наталья Алексѣевна переѣхала на житье въ Петербургъ и поселилась въ Сергіевской улицѣ. Жила она тамъ не бѣдно, открыто, какъ подобало богатой барынѣ того времени, держала лошадей и экипажъ. Знакомство вела большое; вѣжета, я слыхалъ, что у ней даже всесильный Араччевъ бывалъ и ручеу цѣловалъ.

Относительно образованія своихъ дѣтей бабушка не особенно заботилась. Первоначально въ нимъ приставленъ былъ гувернеръ М-г Sabot. Его она выбрала изъ партіи плѣнныхъ французовъ, когда ихъ въ 12-мъ году гнали тысячами по большой почтовой дорогѣ мимо Любца; тамъ еще до сихъ поръ, на одномъ высокомъ песчаномъ бугоркѣ, кой-гдѣ валяются бѣлыя кости похороненныхъ плѣнныхъ.

Въ Петербургѣ дядя Алексѣй Васильевичъ поступилъ юнкеромъ въ кавалергардскій полкъ, но вскорѣ перевелся въ лейбъ-гусары, гдѣ и служилъ все время, проживая въ Царскомъ Селѣ. Будучи старше отца моего на 6 лѣтъ, онъ былъ любимцемъ матери. Бабушка баловала его насколько могла: платила полевые долги, смотрѣла сквозь пальцы на всѣ его проказы; папашу-же любила меньше, часто бранила, и еще маленькаго такъ разъ испугала соннаго, что тотъ навсегда остался немного зайкой.

Тетовъ я ни одной не помню; двѣ изъ нихъ вышли замужъ; третья-же, Настасья Васильевна, умерла старой дѣвой.

Папаша воспитывался въ Лицеѣ, учился плохо и, не кончивъ курса, опредѣлился въ одинъ изъ департаментовъ Сена-та. Служилъ онъ, какъ служили всѣ дворянскіе сыновья стараго времени, больше для чина. Начальникъ отдѣленія его былъ нѣкто Языковъ. Рассказывалъ мнѣ папаша, что скромный Языковъ, котораго Наталья Алексѣевна приглашала ино-

гда въ гости, не смѣлъ у нихъ въ домѣ сѣсть хорошенько на стулъ, все на вончивъ примащивался, а когда за обѣдомъ хозяйка, бывало, обращалась въ нему съ вопросомъ: „Что, Васинька-то мой ходитъ-ли на службу?“—Языковъ спѣшилъ ее успокоить, говоря: „Ходитъ, матушка Наталья Алексѣевна, ходитъ“, и при этомъ подобострастно привставалъ и кланялся; а что ея Васинька дѣлалъ на службѣ и чѣмъ занимался — объ этомъ она не спрашивала: лишь-бы ходилъ да чины получалъ.

По смерти бабушки, какъ дядя, такъ и папаша почти одновременно вышли въ отставку: первый—съ чиномъ полковника, поселился въ Любцѣ, доставшемся ему по завѣщанію, отецъ же вышелъ коллежскимъ ассесоромъ. Ему досталась въ наслѣдство Пѣртовка и еще нѣсколько деревень, что въ общемъ составило хорошее имѣніе. Онъ служилъ въ своемъ уѣздномъ городѣ три трехлѣтія предводителемъ дворянства.

Отца помнить я началъ, когда ему уже было подъ пятьдесятъ лѣтъ. Тогда онъ имѣлъ еще черные вьющіеся волосы; бороду и усы брилъ. Средняго роста, съ брюшкомъ, или, какъ мы смѣясь называли, съ „наросточкомъ“, онъ былъ красивой, симпатичной наружности. Голосъ имѣлъ мягкій и пѣлъ довольно пріятно. Характера молчаливаго, флегматичнаго, что не мѣшало все-таки намъ, маленькимъ, подчасъ до такой степени выводить его изъ терпѣнья, что онъ хваталъ насъ обѣими руками за уши и крѣпко трясъ. Впрочемъ, это случалось рѣдко.

Былъ онъ большой домосѣдъ, и любимое занятіе его составляло—читать, лежа на диванѣ въ халатѣ, и отъ времени до времени дремать, — тогда книга засовывалась подъ подушку.

Хозяйство отецъ велъ на старинный ладъ, т. е. коровъ держалъ болѣе для удобренія, нежели для молока; лѣсъ очень берегъ, хотя случалось, за неимѣніемъ другаго сбыта, рубилъ строевыя бревна на дрова.

Большая семья заставляла его быть черезъ-чуръ аккуратнымъ. По желѣзнымъ дорогамъ мы ѣздили только въ третьемъ классѣ, и помню, какъ, бывало, во время прохода кондуктора

для осмотра билетовъ, папаша приказывалъ намъ улѣзать подъ скамейки, да еще и ногой подпихнетъ, приговаривая: „Сиди тамъ смирно, что шевелишься!“ Если-же кондукторъ замѣчалъ и заставлялъ насъ вылѣзать, то отецъ, нимало не конфузясь, утверждалъ, что съ насъ слѣдуетъ только за половину билета: „вѣдь они маленькіе“, говорилъ онъ убѣдительно кондуктору и въ то-же время грозно и внушительно мигая намъ, чтобы мы принаклонились: „вѣдь имъ 10-ти лѣтъ нѣтъ“, а мнѣ, самому младшему, было уже болѣе.

Папаша былъ очень добрый человекъ и часто помогалъ бѣднымъ: нѣкоторыя недостаточныя семейства получали отъ него ежегодно въ опредѣленное время провизію и денежныя подарки.

Мамаша была, какъ говорятъ, въ молодости красавица, высокая, стройная брюнетка. Она осталась послѣ матери ребенкомъ и воспитаніе получила подъ надзоромъ строгаго старика отца, умнаго и набожнаго. Характера она была открытаго: горе-ли, радость, все равно, не могла скрыть, должна была непременно съ кѣмъ-либо подѣлиться.

Хозяйствомъ она стала заниматься подъ старость, въ молодости-же ограничивалась тѣмъ, что заказывала повару кушанье. Зная отлично французскій языкъ, почитывала иногда повѣсти и романы; была хорошая руководѣтельница и часто вышивала шерстью по канвѣ, русскимъ швомъ по полотну; плела кружева; но всего больше любила она принимать гостей и угощать ихъ: хлѣбосолка была.

Легко припомнить свое дѣтство, но трудно опредѣлить то именно обстоятельство, отъ котораго началъ себя помнить. Я очень рано помню себя. Вспоминаешь одинъ случай, этотъ кажется уже самый первый, самый ранній; а между тѣмъ за нимъ въ головѣ вырастаетъ другой и, какъ-бы отстраняя первый, говоритъ: „Нѣтъ, не правда, я раньше былъ“. Вотъ, на-примѣръ, живо представляется мнѣ, какъ въ морозный зимній вечеръ, старушка наша няня, Анна Ларивоновна, высокая,

худощавая, съ отвислыми щеками, воспользовавшись тѣмъ, что папаша съ мамашей еще съ утра куда-то уѣхали, торопится вымыть меня вмѣстѣ съ братомъ, Алешей. Но гдѣ же она хочетъ насъ мыть? На людской кухнѣ — въ русской печкѣ!! По утру въ печкѣ пеклись хлѣбы, а потому жару въ ней еще много. Въ людской никого нѣтъ — дворня уже отъужинала, только кухарка-большуха возится въ своей чуланкѣ съ ложками да съ горшками. Мы съ Алешей стоимъ, раздѣтые, на полу, около печки. Няня въ одной рубашкѣ, черные волосы на головѣ всеюлочены, жиденькая, заплетенная косичка закинулась на грудь, — попеременно намыливаетъ намъ головы маленькимъ обмылочкомъ; затѣмъ мажетъ насъ съ головы до ногъ дегтемъ (няня слышала отъ кого-то, что деготь очень помогаетъ отъ золотухи, которой мы маленькіе всѣ страдали) и подсаживаетъ на пестокъ, послѣ чего ужъ мы сами уползаемъ въ печь. Въ печи свѣтло, въ углу горитъ сальный огарокъ, вставленный въ желѣзный свѣтецъ; рядомъ — чугунокъ съ горячей водой. Дно печи устлано мягкой соломой. Такъ тепло, такъ хорошо тутъ, мы совершенно счастливы! За нами влѣзаетъ и няня съ маленькимъ корытцемъ въ рукахъ. Она уже скинула рубашку. Старческіе глаза ея съ отвисшими нижними вѣками выражаютъ тревогу и опасеніе, какъ-бы ей успѣть исполнить свое завѣтное желаніе — вымыть деготкомъ своихъ рожонныхъ дѣтушекъ до пріѣзда „самихъ“. А если-же она не успѣетъ, да они пріѣдутъ, — пропала тогда ея головушка: разбранять, разнесутъ ее господа. Но не этого боится няня; пуще всего опасается она, чтобы ее совсѣмъ изъ нянекъ не прогнали и не лишили-бы ея сокровищъ, питомцевъ, которыхъ она любить больше всего на свѣтѣ, т. е. любить точно такъ-же, какъ и мы ее. Торопливо хватаетъ она костлявой рукой маленькую деревянную чашечку, что плаваетъ въ чугунокѣ, льетъ ею воду въ корытцо и моетъ и третъ наши маленькія тѣльца обрывкомъ мягкаго шерстянаго чулка, сложеннаго нѣсколько разъ, плещетъ теплую водичку морщинистой ладонью на наши маленькія личики, а сама шепчетъ и приговариваетъ: „Гос-

поди Иусе, Пресвятая Богородица“ и со страхомъ прислушивается—не звенить-ли на дворѣ колокольчикъ, не лаютъ-ли собаки, не скрипятъ-ли около барскаго крыльца полозья тяжелаго возка, по промерзшему снѣгу.

Для меня это очень давно было. Но слѣдующая картина, кажется, еще раньше была.

Прекрасный лѣтній день; тепло; солнышко свѣтитъ ясно; время послѣ обѣда. Я, въ маленькой дѣтской комнатѣ, взобрался на табуретку возлѣ окна, заставленнаго отъ мухъ волосяной рѣшеткою, и, стоя на волѣнкахъ, строю на столѣ варточные домики. Въ противоположной сторонѣ комнаты няня убаюкиваетъ сестру Машу, которая лежитъ въ маленькой деревянной кровати съ высокими черными стѣнками, и тихимъ, заунывнымъ голосомъ, покачивая въ тактъ головой, поетъ знакомую мнѣ пѣсенку:

И на дворѣ овечка-а спитъ,
Да хоро-ошохонько лежитъ.
Бай, бай, по-очи-ивай,
Да глазъ сво-оихъ не откры-ывай.

Отлично помнится, какъ при словахъ „на дворѣ овечка спитъ и хорошохонько лежитъ“, — я взглядываю на дворъ и ищу глазами, гдѣ-же это овечка лежитъ? Вѣдь если няня поетъ, такъ значитъ должна-же овечка лежать гдѣ-нибудь, и, не находя ея, обращаюсь къ нянѣ и спрашиваю: „Няня, гдѣ же на дворѣ овечка лежитъ?“

Няня приподнимается немного отъ маленькой кровати, къ которой припала-было грудью, поворачиваетъ ко мнѣ голову, повязанную темной ситцевой косынкой, съ концами, запачканными нюхательнымъ табакомъ, такъ какъ она часто обтирала ими свой табачный носъ, сердито киваетъ, чтобы я не шумѣлъ, и затѣмъ продолжаетъ свою пѣсенку тѣмъ-же убаюкивающимъ голосомъ:

И вырастешь боль-и-ша-ая,
Будешь и въ золотѣ ходи-ить.